

Ильин Виктор Васильевич

доктор философских наук, профессор
Российского государственного аграрного
университета – Московской сельскохозяйственной
академии им. К.А. Тимирязева

Мамедов Азер Агабала оглы

кандидат философских наук, доцент
Российского государственного аграрного
университета – Московской сельскохозяйственной
академии им. К.А. Тимирязева

Бирюкова Елена Анатольевна

кандидат философских наук, доцент
Калужского филиала Московского государственного
технического университета имени Н.Э. Баумана

Мюллеринен Елена Александровна

Институт современных образовательных
технологий Московского государственного
технического университета имени Н.Э. Баумана

Ilin Victor Vasiliyevich

D.Phil., Professor,
Russian State Agrarian University –
Moscow Timiryazev Agricultural Academy

Mamedov Azer Agabala

PhD, Assistant Professor,
Russian State Agrarian University –
Moscow Timiryazev Agricultural Academy

Birukova Elena Anatolyevna

PhD, Assistant Professor,
Kaluga Branch of
Bauman Moscow State Technical University

Mullyarinen Elena Aleksandrovna

Institute of Modern Educational Technologies,
Bauman Moscow State Technical University

ПРЕДМЕТНО-СМЫСЛОВАЯ АДАПТАЦИЯ ТЕКСТА

SUBJECT AND SEMANTIC TEXT ADAPTATION

Аннотация:

В статье рассматриваются инструменты предметно-смысловой адаптации текста посредством погружения высказываний в зону содержательной релевантности, обеспечивающей унификацию фраз, входящих в законченные сообщения. С содержательной точки зрения контекст оплодотворяет понимание «понимания» идеей целого. Область релевантности, круг репрезентантности проводят маркировку значимой онтологии – тех явлений с признаковым составом, какие с должным правом в границах очерченной сферы следует принимать во внимание и какие для всех форм рассуждения составляют сущностные предположения об «ангажированности» действительности. Оконтуривание онтологии как знакового состава актуализирует референцию в количественной и качественной плоскости. Детализацию картины дает представление об отшлифовывающих данное согласование интеллектуальных движениях, таких как: 1) акт альтернации – оптимизирует отнесение к коду, стимулирует замещение менее эксплицитных знаковых единиц более эксплицитными, потворствует прояснению общих смыслов; 2) акт линеаризации – оптимизирует отнесение к ситуации, стимулирует раскрытие локальных смыслов через когеренцию знаков в пределах речевых цепочек; 3) акт интонации, жестикуляции (акцентно-мелодический, просодический потенциал языка, репертуар экстралингвистических средств общения) – оптимизирует отнесение к интеракции, стимулирует доопределение характера общения *in loco*.

Ключевые слова:

альтернация, линеаризация, интонация, смысловая адаптация.

Summary:

The article reviews the instruments of subject and semantic text adaptation by immersing the statements in the substantial relevance area providing unification of the phrases included in the completed utterance. From the substantial point of view, the context originates the comprehension of “understanding” with the help of the idea of the whole. The scope of relevance, the circle of representation mark the significant ontology, i.e. those phenomena with attribute structure that with due right should be taken into account within the defined field and that make an essential suggestion for the reality involvement in relation to all forms of reasoning. Delineation of ontology as a sign structure staticizes a reference in terms of quality and quantity. The detailed view is given by an idea about the improvement of coordination of the following intellectual movements: 1) the act of alternation that optimizes the reference to a code, stimulates the replacement of less explicit sign units with more explicit ones, promotes the clarification of the general ideas; 2) the act of linearization that optimizes the reference to a situation, stimulates the disclosure of local meanings through a coherence of signs within the speech chains; 3) the act of intonation, gesticulation (accent and melodic, prosodic potential of a language, a range of extralinguistic means of communication) that optimizes the reference to an interaction, stimulates a predetermination of the nature of communication *in loco*.

Keywords:

alternation, linearization, intonation, semantic adaptation.

Задача контекста – предметно-смысловая адаптация текста, погружение высказываний в зону содержательной релевантности, обеспечивающей унификацию фраз, входящих в законченные сообщения. С содержательной точки зрения контекст оплодотворяет понимание «понимания» идеей целого. Последнее позволяет:

- добиваться единообразия трактовок,
- относить информацию к точно очерченным предметным ареалам,
- вводить сверхфразовые локальные предметно-смысловые единства,
- активировать ресурс базисного знания (basic knowledge, BK), запускающего механизм принятия квалифицирующих решений в опоре на базовый консенсус (basic consensus, BC).

Вкупе сказанное оконтуривает круг ближайшей репрезентантности, с должной мерой оправданности исключая необходимость решать парадоксы типа парадокса подтверждения (Гемпель): черноту ворон подкреплять синевой слонов.

Область релевантности, круг репрезентантности проводят маркировку значимой онтологии – тех явлений с признаковым составом, какие с должным правом в границах очерченной сферы следует принимать во внимание и какие для всех форм рассуждения поставляют существенные предположения об «ангажированности» действительности. Оконтуривание онтологии как знакового состава актуализирует референцию:

- в количественной плоскости – в части фиксации в предметных многообразиях наборов объектов конкретной природы с допустимыми отображениями их друг в друга. По вещным распределениям устанавливается горизонт событий, образующих некую замкнутость, изолированный интервал с явным локальным центром атрибутивного тяготения (идеология ситуативности, интервальности, ядерности, предметно-признаковых основ понимания получает обобщение в требовании непересекаемости онтологических многообразий; не «все во всем», что представляется губительным для понимания; формальным его (требования) выражением служит правило отделимости). Предельное задание параметрической определенности, обуславливающей возможность сличения и различения элементов многообразий между собой, осуществляют структуры базисного знания и базового консенсуса: конфигурация BK + BC дискретизирует отнесение объектов реальности к онтологическим ядрам фаций;

- в качественной плоскости – в части различения в предметных многообразиях ареалов (а) реального (действительного) и (б) вымышленного (возможного) мира. Отнесение к полю (а) управляется бивалентными императивами корреспонденции и когеренции. Наука вводит фикции (вымыслы) в том числе через предикацию, атрибуцию, которые до экспериментального опробования имеют статус условно значимых (гипотетических) конструкций и до введения истинностных оценок принимаются по основанию взаимосогласованности. Предикация (в отличие от характеристики) фундаментально ориентирована на истинность, но темпорально – в разные мгновения жизни знания – может находить подкрепление лишь в когеренции. Наука, как мифология, способна строить воздушные замки (развертывать кентавромахию), но в отличие от мифологии в конечном счете обращается к опытному удостоверению своих построений (произведений). Отнесение к полю (б) вовсе не управляется какими бы то ни было предметно-логическими императивами. Сюжетика fiction (от мифологии, эпоса до литературы в целом), не отвечая документальной правдивости, соотносится с требованиями «художественности вымысла» – легкость, изящность, занятность, интригуемость и т. д. С позиций источниковедения, исторического взгляда на прошлое система описаний «Войны и мира» – чистой воды fiction. Но объявлять содержание эпопеи «ложью» было бы насильем здравого смысла. Точнее, апеллировать к «силе воображения», давшей эстетическое изображение реальности в возможном.

Вопрос фиктивности предикации в науке решается фактуально; вопрос фиктивности предикации в ненауке (от мифологии до литературы) вообще не решается (он упраздняется сменой аксиологических рамок). Если смотреть на вещи сверхпристально, придется признать: в науке проблема установления истинности решается не всегда и не для всех вариантов предикации (ср. коллизии с КГ, «темной материей», космологическим членом и им подобными). Главное для науки – базовая интенция на удостоверение истины через верификацию. На фоне сказанного трактовка схемы истины Тарского « p истинно $\Leftrightarrow P$ » [1] выглядит эпистемологическим пуризмом. При невозможности оперативного решения, что дело «обстоит именно так», мы вынуждены пользоваться соображением приемлемости, т. е. не соответствием по *status rerum* (достоверность), а согласованием по тезаурусу (оправданность одного по приемлемости другого). Гипотетичность науки глубоко родственна эстетичности искусства, родственна по отнесению к онтологии возможных миров: фиктивность, т. е. гипотетичность или художественность (вымышленность) произведений, науки или искусства референциальна возможному. Очерчивание значимой онтологии с релевантным признаковым составом в выразительном отношении добивается изоморфной предметности унифицированности фраз, входящих в цельные, законченные сообщения (текстемы). Тем самым достигается введение инвариантных цельных смыслов, соответствующих сверхфразовым контекстным (предметно-выразительным) единствам [2, с. 698]. В согласовании профилей предметности и выразительности – ключ согласования тональностей мышления агентов коммуникации.

Детализацию картины дает представление об отшлифовывающих данное согласование интеллектуальных движениях:

– акт альтернатиции – оптимизирует отнесение к коду, стимулирует замещение менее эксплицитных знаковых единиц более эксплицитными, потворствует прояснению общих смыслов;

– акт линеаризации – оптимизирует отнесение к ситуации, стимулирует раскрытие локальных смыслов через когеренцию знаков в пределах речевых цепочек [3, с. 115];

– акт интонации, жестикуляции (акцентно-мелодический, просодический потенциал языка, репертуар экстралингвистических средств общения) – оптимизирует отнесение к интеракции, стимулирует доопределение характера общения *in loco* (та же идея повеления выражается не категорией повелительного наклонения глагола, а интонацией, жестом – «Вон отсюда!», «Пошел вон!»).

В фигурах логико-гносеологической операторики сказанное описывается в терминах активации процедур селекции, комбинации, субституции языковых единиц, установления отношений смежности, сходства (эквивалентность синонимов, общность смысловых ядер антонимов). В случаях разупорядочения фонематических, морфологических, синтаксических структур речевой деятельности (эмиссивная, рецептивная афазия) наблюдаются характерные разбалансы понимания: при сенсорной, акустико-мнестической афазии (патология фонематического слуха, слухоречевой памяти) возникает деструкция понимания устной речи, эффекты парафазии, контаминации; при семантической афазии отмечается деструкция понимания логико-грамматических сочетаний (использование отношений принадлежности, причастности, следовости – сестра матери; зима после осени); при динамической афазии (дезорганизация речевых высказываний) наблюдается деструкция понимания слов, выражающих действия (дезактуализация «слов-действий»).

Введением онтологической релевантности, сцепленной с признаковым составом унифицированностью лексем, фразем, текстом, достигается семантическая гомогенизация предметно-языковых рядов, – систем взаимообусловленных смыслов-значений в пределах вещно-выразительных единств. Так – в теории. На деле выступает высшей нетривиальностью соблюсти стандартность, инвариантность онтологической и выразительной определенности. В естественном, осложненном проявлении фона личности, заявлении особого характера субъекта общения трансформируются обстоятельственные рамы, подвергаются эрозии синтаксические договоренности, утрачивается ментальное согласие. Драма «слова и мысли» в заявлении экзистенциального (от *Lebenswelt + Wertswelt*) – жизненного, ценностного плюралиса.

Эпизод 1: разность наполнения понятий вследствие разности интенций жизненных историй, лишаящих терпения даже самого терпеливого арбитра, – Мария-Антуанетта, узнав, что у французов нет хлеба, отечески озабочилась: «Почему же они не едят пирожные?» Персональная дереализация.

Эпизод 2: специфичность отображаемости понятий вследствие особости интенций на корреспондируемость действительности, – советская новоязовская логократия (маскировка словами действительности – вариация логомахии), – превосходящее все мыслимые и немыслимые пределы словоблудие. Групповая (суггестивная) дереализация. (Уровень жизни падает, но партия заботится о народе, и народ должен быть благодарен партии за проявляемую о нем заботу. Воистину: *albo dies notanda lapillo.*)

Эпизод 3: разность пресуппозитивных насыщений понятий вследствие аутентичности интенций на императивы ВК + ВС – не устанавливаемые логически условные предположения (идеологемы, базовые метафоры, легислативные постулаты) социокультуры о схеме действительности, – аристотелевское толкование причин трехмерности пространства совершенностью (?!) числа «три» (ср.: идиома троичности Флоренского). Дереализация тезауруса.

Эпизод 4: ненасыщенность места, обрамляемого самостью, – активация онтологически недоуточняемого «я» в редакции «I», а не «Me» (мидовская дивергенция «self» на «I» и «Me»: внутреннюю и внешнюю самость) [4], стоящего «выше самоцелей науки, искусства» (Юнг), создателя «своих орудий», по крупному счету препятствует контекстному воссозданию аутентичности «вот-бытия» с целью его размыкания, всецело охватывания. Препятствует по вполне банальной причине – собственной предметной несоответственности, функциональной спонтанности. «I» в отличие от «Me» практически не рационализируемо. На примере изъяснительных фигур Лермонтова прочувствуем всю обреченность способа отрицательной предикации «I»:

Или:

Я не для ангелов и рая
Всесильным богом сотворен;
Но для чего живу, страдая,
Про это больше знает он.
Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник...

Или:

Что хвала иль гордый смех людей!

Души их певца не постигали,
 Не могли души его любить,
 Не могли понять его печали,
 Не могли восторгов разделить.
 Или: И ненавидим мы, и любим мы случайно,
 Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви...
 . . .
 Или: Уж не жду от жизни ничего я,
 И не жаль мне прошлого ничуть;
 Я ищу свободы и покоя!

(Искать одно и другое одновременно невозможно: «свобода» и «покой» онтологически и функционально контрадикторны!)

Дереализация самозаявлением «чувствующей души» (Гегель) в залоге «non liquet».

Указанные и близкие им типы дереализации плодят концептуальные, семантические аномалии. Иной тип – «метафорическая дереализация», связанный с соположением каузально, онтологически не связанных референтов, – явных аномалий не влечет, однако осложняет контекстуальное конституирование предметно-выразительной определенности дополнительными критико-аналитическими усилиями.

Метафора как явление языковое – вид тропа, основанный на использовании переносных значений вследствие скрытых уподоблений, образных сближений. Установление подобия, уподобление – нерв метафоры, проводящей категориально-семантические сдвиги (транспозиции), производящей нарушение таксономических разрядов, устоев иерархизации (отменяющей группирование дискретных объектов на системах точно фиксируемых свойств), инкорпорирующей образ в понятие, единичное в общее, чувство в интеллект. Результат – нарушение соответствия лексического типа – слова и выполняемой им синтаксической функции (Н. Арутюнова); нарушение соответствия идейного типа – выражения и выполняемой им смысловой функции. Для науки – приговор (многозначность, недоуточненность несовместима с интенцией на полноту обоснованности выражения); для искусства – раздолье (многозначность, недоуточненность совместима с интенцией на полноту самовыражения).

Разрушение пригнанности лексем и семем в рамках содержательных сценариев, магистралей тематизации объектов (фреймов) затрудняет понимание. Скажем: Луна – небесное тело, естественный спутник Земли, светящийся отраженным солнечным светом, с определенным наклоном орбиты к плоскости эклиптики, массой, радиусом, средней плотностью, звездным, синодическим периодом обращения, визуальным сферическим альбедо, ускорением силы тяжести на поверхности, температурой на поверхности, магнитным полем и пр. Многое здесь может требовать уточнения, однако общая сбалансированность планов выражения и содержания (идентичность фрейма) выдержана, что дает перспективу буквальности.

Последнего никак нельзя высказать о беллетристическом (внефреймовом) представлении Луны в тексте:

Бродит призрак бледнолицый
 На полях моей страны... (Блок),

никакой перспективы буквальности не намечающем.

Отсюда – семантизация задачи контекстного отнесения как способа снятия проблемы установления сферы релевантности, а с ней – идейной идентичности.

Символичность, второсигнальность сапиента ставит его в сложную ситуацию. С одной стороны, неизбежная образность (тропность) каждого слова, та «скользящая логика души», которой соответствует родство вещей, все разнообразие отношений человека с самим собой и природой, какие чисто объективными не стали и никогда не станут [5, с. 666]. С другой стороны, вечная неудовлетворенность образностью, необъяснимая тяга к определенности, замене коннотаций констатациями. Вполне явным образом по данному случаю выражался Гоббс: «Свет человеческого ума – это вразумительные слова, предварительно очищенные от всякой двусмысленности точными дефинициями. Рассуждение есть шаг, рост знания – путь, а благоденствие человеческого рода – цель. Метафоры же и двусмысленные слова, напротив, суть что-то вроде ignes fatui, и рассуждать при их помощи – значит бродить среди бесчисленных нелепостей, результат же, к которому они приводят, есть разногласие и возмущение или презрение» [6].

Строгость – нестрогость, недвусмысленность – двусмысленность, доуточненность – недоуточненность. Локальные статичные антиномии снимаются глобальным диалектическим подходом.

Мышление Homo symbolicum всегда и везде ассоциативно, а значит, метафорично, коннотативно, неалгоритмично. Человек мыслит творчески, т. е. синтетично; глубинным инструментом

